

PERSONAL CHOICE IN A CONSUMER SOCIETY: REPRODUCTIVE BEHAVIOR FROM THE VIEW OF GENDER APPROACH

Abstract. The publication raises a problem of deformation of reproductive behaviour of some groups of young people in a consumer society, reflected in the emergence and spread of negative attitudes towards having children. Causes and types of reproductive behaviour among the adherents of the ideology of childfree and childget are viewed. A gender approach when considering the features of such behaviour in women and men.

Key words: consumer society, reproductive behaviour, voluntary childlessness, childfree ideology, childhate, childhater, gender differences.

УДК 172.1

И.В. Демин

ГРАНИЦЫ КОНСЕРВАТИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМ ГРАНИЦ

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска «общего знаменателя» различных трактовок и типов консерватизма. Рассмотрены основные проявления «консервативного духа» (фундаментальный, либеральный консерватизм, революционный консерватизм, социал-консерватизм), и выявлены основания критики либерально-прогрессистского мышления в контексте каждого из четырех типов консерватизма. Показана недостаточность традиционных ответов на вопрос об интегральной характеристике консерватизма.

Ключевые слова: консерватизм, типология консерватизма, традиционализм, либеральный консерватизм, социальный консерватизм, консервативная революция.

Решающее значение для современных дискуссий о консерватизме имеет вопрос о том, является ли консерватизм самостоятельной идейно-политической традицией и мировоззренческой парадигмой или же его следует рассматривать лишь в качестве естественной реакции на политический радикализм (как «левого», так и «правого» толка). В первом случае открыва-

ются возможности для продуктивного обсуждения не только консервативной политической философии, но и консервативной эпистемологии [1], консервативной этики и даже консервативной онтологии [8]. Второй вариант ограничивает поле исследований обсуждением особенностей консервативного менталитета. Родоначальником первого подхода следует считать Карла Манхейма [6], второй подход представлен в работах таких философов, как Майкл Оукшотт [7], Сэмюэль Хантингтон [15] и Гюнтер Рормозер [12].

Сторонники обоих подходов согласны с тем, что консерватизм не является целостной политической теорией и не может рассматриваться в качестве одной из идеационных идеологий (наряду с двумя другими — либерализмом и социализмом). Однако те исследователи, которые видят в консерватизме самостоятельную идейную традицию, полагают, что консерватизм оппонирует либерально-прогрессистскому типу мышления не на уровне политических ценностей и идеалов, не на уровне *политологии* и *политической аксиологии*, но на более фундаментальном уровне — на уровне *эпистемологии* и *онтологии*.

Приняв исходный тезис о том, что консерватизм представляет собой особый *стиль мышления* и *способ видения* социальной действительности, мы сталкиваемся с новой альтернативой. Консервативный стиль мышления может рассматриваться в качестве универсальной психологической характеристики, присущей человеческому сознанию как таковому. В этом случае ставить вопрос о *происхождении* консерватизма и его *историческом развитии* едва ли уместно. Если консерватизм есть естественная реакция на определенные ситуации, то задачу выявления сущностных характеристик и выработки интегрального понимания консерватизма должна взять на себя *социальная психология*. Имеется, однако, и другая возможность осмысления консерватизма именно в качестве *исторического* феномена. Именно такой подход представляется нам наиболее плодотворным, поскольку в нем, во-первых, открывается возможность для понимания консерватизма как самостоятельной идейной традиции (идеологической и мировоззренческой парадигмы), а во-вторых, проводится мысль о социально-исторической обусловленности консерватизма и необходимости рассматривать его в широком культурно-историческом (а не только политическом) контексте.

В большинстве случаев исследователи руководствуются размытым и усредненным пониманием консерватизма, данный термин часто применяется для обозначения различных (зачастую несоизмеримых и взаимоисключающих) идейных установок и мировоззренческих позиций. Что объединяет, например, таких мыслителей, как Ж. де Местр, Р. Генон, О. Шпенглер, К. Шмитт, О. Шпанн, И. Л. Солоневич, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.В. Устрялов, М. Оукшотт? Их относят к консервативному направлению в истории общественной мысли, к консервативной социальной и политической философии, однако основания для такого отнесения остаются непроясненными.

Первая и в известном смысле главная трудность, с которой сталкивается исследователь в процессе выработки интегрального понимания консерватизма, заключается в том, что консерватизм (в отличие от либерализма, социализма или анархизма) противится универалистским интерпретациям, попыткам свести все многообразие консервативных позиций, ценностей и смыслов к единой универсальной доктрине, к общей политической теории. Многие современные исследователи приходят к выводу, что универсальная теория консерватизма невозможна. Тезис о невозможности универсальной консервативной политической философии убедительно обосновывается А.Г. Дугиным в статье «Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория?» [4, с. 7–11]. В разных обществах и в различные исторические периоды консерваторы защищают различные идеи, ценности, социальные институты. «Консерватизм есть, но какой-то общей консервативной политической идеологии нет, а значит, не может быть и общей теории консерватизма. Может быть теория социализма, теория коммунизма, теория либерализма. Теория же консерватизма исключена» [4, с. 7].

Невозможно вывести интегральное понятие консерватизма, исходя из каких-то определенных ценностей или постулатов (наподобие того, как либеральная политическая идеология выводится из установок философского номинализма и ценностей свободы и справедливости). В контексте обсуждения политических целей, ценностей и идеалов универсальная теория консерватизма действительно невозможна. Означает ли это, что попытка обнаружить «общий знаменатель» различных типов консерватизма заведомо обречена на провал? Признавая, что консерватизм сущностно многообразен и не имеет собственного «общественного идеала», должны ли мы отказаться от задачи провести границы между консерватизмом и альтернативными ему стилями мышления (либерально-прогрессистским, социалистическим)? Очевидно, нет. «У консерватизма, — пишет М.В. Ремизов, — в строгом смысле нет общественного идеала. Но это не единственный способ оценки вещей, это не единственный способ быть идеологией» [10, с. 79]. Проблема заключается в следующем: как осмыслить единство консерватизма, избегая универалистских схем, которые противоречат самой сути консервативного миропонимания?

В современной исследовательской литературе представлены различные варианты типологии консервативных течений [2]. Особенность существующих типологий заключается в том, что консерватизм в них понимается преимущественно как политико-идеологический феномен, при этом без должного внимания оставляются его социально-философские и общемировоззренческие импликации. Существуют, впрочем, и попытки философской типологизации консерватизма [9].

Целесообразно выделять четыре типа консерватизма: традиционализм (фундаментальный консерватизм), либеральный консерватизм, социал-консерватизм и революционный консерватизм. Данная типология, понимает-

ся, не исчерпывает всего многообразия консервативных идей, течений и направлений, но позволяет упорядочить большинство явлений, которые обычно относят к консерватизму. Кратко охарактеризуем каждый из этих типов.

1. *Фундаментальный консерватизм (традиционализм).*

Для традиционализма характерно радикальное неприятие современности как таковой, а не только отдельных проявлений современной культуры или современной политической жизни. Современность отвергается во имя Традиции, причем речь идет не о той или иной конкретной исторической (и/или религиозной) традиции, речь идет об изначальной (примордиальной) Традиции. Для традиционалистского сознания характерно обостренное ощущение *упадка, падения*, прогрессирующей *деградации* современного мира. В этом смысле традиционализм — это полная противоположность как либерально-просвещенческой веры в прогресс, так и коммунистической утопии «земного рая». Линейное историческое время в оптике фундаментального консерватизма мыслится как процесс энтропии.

Критерием состоятельности того или иного института, с точки зрения традиционализма, выступает его *древность*. Все религиозные, социальные, экономические, политические институты тем более совершенны, чем более они древние. В оптике фундаментального консерватизма старое заведомо лучше, совершеннее нового. Традиционализм — это осознанная установка на неприятие новизны, отвержение *модернизации* и идеи прогресса. Фундаментальный консерватизм есть последовательный *антимодернизм* [12].

Существует точка зрения, согласно которой именно в традиционализме наиболее последовательно проявляются важнейшие характеристики консервативного стиля мышления как такового [5, с. 246]. Согласившись с данным тезисом, следовало бы также признать, что вопрос об основании и общем знаменателе различных типов консерватизма оказывается принципиально уже решенным. Таким основанием становится критика «парадигмы современности» («парадигмы модерна») с позиций «парадигмы Традиции» [5, с. 246]. Однако, приняв оппозицию «Традиция — современность» в качестве базовой и определяющей, мы тем самым выносим за скобки все те явления, с которыми в современном политическом дискурсе по преимуществу и ассоциируется консерватизм. Философский традиционализм поэтому следует рассматривать лишь как *одно из* ответвлений на древе консерватизма, а не в качестве парадигмальной схемы консервативного мышления как такового.

2. *Либеральный консерватизм.*

В отличие от традиционализма, который практически не представлен в современной политической жизни, либеральный консерватизм занимает в ней почетное место. В большинстве исследований под консерватизмом понимается та или иная версия *либерального консерватизма*. Это вполне объяснимо: поскольку в современном мире именно либерализм является господствующей идеологией и политическим метаязыком, постольку все

остальные идейные позиции вынуждены «подстраиваться» под стандарты либеральной парадигмы, либерального политического дискурса.

Либеральный консерватизм остается в рамках «парадигмы модерна», разделяет базовые идеологические, методологические и метафизические презумпции эпохи Просвещения, но противостоит наиболее деструктивным и саморазрушительным тенденциям современности. Либеральные консерваторы оппонируют современной идеологии политкорректности, которая де-факто представляет собой синтез либерализма и марксизма, теоретически обоснованный в целом ряде философских направлений XX в. (прежде всего представителями Франкфуртской школы). Идейными антиподами либерал-консерваторов выступают не столько представители классического либерализма (Фридрих фон Хайек, Лео Штраус), сколько *либертарианцы* и идеологи современного анархизма и анархо-коммунизма.

Различные стратегии обоснования либерального консерватизма представлены в социально-философских концепциях С.Л. Франка, П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, М. Оукшотта, А. Гелена, Г. Рормозера, К. Хюбнера, Р. Нисберта и многих других мыслителей XX в.

Либеральные консерваторы выступают за модернизацию общества, но новизна (в области политики или в какой-либо иной сфере) не рассматривается ими в качестве самоцели и самоценности. Исходным принципом социальной политики становится принцип Гиппократа «Не навреди!». В политической сфере либеральная демократия не может рассматриваться как самоцель, во имя которой следовало бы разрушать исторически сложившуюся систему социальных и политических институтов. Примечательно, что именно в либерально-консервативной среде возник чрезвычайно интересный концепт «суверенной демократии», противостоящий универсалистскому и глобалистскому проекту демократии *либеральной*.

3. Социал-консерватизм.

Социал-консерватизм представляет собой своего рода синтез традиционализма с социализмом, социалистическим утопизмом. Важнейшей социальной ценностью и главным ориентиром для социал-консерваторов выступает *справедливость*. Однако справедливость здесь мыслится не как абстрактный внеисторический идеал, общий для всех народов и культур, а как реализация мечты конкретной социально-исторической общности. Социал-консерваторы, отстаивая ценность национальной самобытности, выступают против интернационализма, космополитизма, культурного универсализма и глобализма. Смысл самобытности в контексте социал-консерватизма усматривается в том, что каждый народ *по-своему* стремится реализовать идеал справедливого общества.

Социал-консерватизму присуща жесткая антибуржуазная направленность, его сторонники последовательно выступают против капитализма и либерализма. Для социал-консерватизма в большей степени, чем для любой иной разновидности консерватизма, характерны установки коллективизма и патернализма. Государство мыслится по аналогии с семьей, в кото-

рой монарх играет роль главы семьи. Для социально-консервативного менталитета чрезвычайно характерен стереотип «хорошего, доброго царя», который защищает народ от «плохих бояр», чиновников, власть имущих.

4. *Радикальный консерватизм (консервативная революция).*

Четвертый тип консерватизма наиболее сложен в идейно-содержательном смысле, наиболее парадоксален и потому наиболее интересен. Парадоксальность данного идейного течения проявляется в таких выражениях, как «радикальный консерватизм», «консервативная утопия» и даже «консервативный нигилизм».

Идейное течение «Консервативная революция», как известно, складывается в Германии в 20-х гг. XX в. Революционный консерватизм является, по сути, единственным идеологическим течением консервативного толка, которое не просто осуществляет критику современности или отдельных ее аспектов, но предлагает полноценный *альтернативный современности* проект. Суть этого проекта в следующем: реставрация традиционного общества в новых социально-политических и технологических условиях, реактуализация традиционных ценностей и смыслов в новом социокультурном контексте.

Реализация консервативно-революционного проекта предполагает, что получать поддержку должны лишь те перемены в обществе, которые можно поставить на службу Традиции. В контексте классического либерализма и социализма *новое* само по себе есть ценность (это вытекает из господствующей в либерализме и социализме прогрессистской установки: новое здесь — значит *лучшее*). Для стихийного (охранительного) консерватизма и традиционализма характерна обратная презумпция: новое априори вызывает подозрение, настороженность, недоверие. В контексте идейной парадигмы «консервативной революции» новое представляет ценность лишь в том случае, если его можно поставить на службы *исконному* и *вечному*. М.В. Ремизов усматривает политическую миссию радикального консерватизма в том, чтобы периодически возвращать жизнь к ее «началам» [8].

Для революционного консерватизма сложившийся социальный порядок сам по себе не представляет ценности, статус-кво не имеет самостоятельного значения. Тот факт, что этот порядок сложился *исторически*, не является достаточным основанием для его сохранения и защиты. Наличный социальный порядок может быть разрушен, но не во имя абстрактного утопического идеала, а ради возвращения к изначальному и, следовательно, подлинному мироустройству. Наличная социальная действительность в оптике радикального консерватизма осуждается не от имени «верховных ценностей», а «от имени действительности более фундаментальной, отнесенной, подтвержденной порче или забвению» [9, с. 32]. Именно в этом пункте граница между *революционным консерватизмом* и *революционным нигилизмом* становится едва уловимой, почти стирается. Эту грань еще можно провести на уровне политической философии, но гораздо сложнее ее усмотреть и учесть в конкретной социально-исторической жизни.

«Консервативная революция» имеет много общего с социал-консерватизмом. Не случайно таких мыслителей, как Освальд Шпенглер, Отмар Шпанн, Н.В. Устрялов, причисляют одновременно к обоим этим направлениям. Однако в отличие от социального консерватизма, для которого главным субъектом истории выступает народ, консервативные революционеры делают ставку на контрэлиты, «новую аристократию», творческое меньшинство. В идеологии консервативной революции полностью отсутствуют черты «народничества», преклонения перед народом.

В рассмотренных типах консерватизма *основания* критики либерально-прогрессистской парадигмы различны. В фундаментальном консерватизме (традиционализме) таким основанием выступает Примордиальная Традиция, в свете которой общественно-исторический прогресс европейского человечества предстает в качестве «прогрессирующей деградации» [3]. Традиционализм представляет собой критику современности (модерна) с позиций Традиции и «традиционного общества», которое мифологизируется и мыслится неисторически.

Либерально-консервативная мысль, признавая исходные презумпции общества и культуры модерна (рационализация, секуляризация, научная революция), направлена против саморазрушительных тенденций современности, которые в совокупности и составляют то, что принято именовать «постмодерном». В отличие от традиционализма, либеральный консерватизм апеллирует не к интегральной Традиции, но к принципам *модерна*, стремясь защитить их от искажения, вырождения и перерождения.

Социал-консерватизм в парадигмальном отношении представляет собой своего рода синтез традиционного общества и общества современного. Укорененность в традиции и национальная самобытность здесь совмещаются с идеалом социальной справедливости. В контексте социал-консерватизма критике подвергается как традиционное общество (поскольку отдельные его институты входят в противоречие со специфически понимаемой справедливостью), так и общество современное (поскольку оно нивелирует и размывает национальную идентичность и самобытность).

Самым сложным в парадигмальном отношении является четвертый тип консерватизма — революционный (радикальный) консерватизм. Если во всех рассмотренных случаях связь с традицией (по-разному, впрочем, понимаемой) и историческая преемственность рассматривается в качестве главного источника социокультурных смыслов и основания критики альтернативных и враждебных идейных позиций, то в парадигме консервативной революции провозглашается разрыв с «ложной», ложно понятой традицией и необходимостью волевого возвращения к «истоку» и возобновления традиции подлинной, забытой, подвергнутой искажению. Отличие от традиционализма здесь в том, что силы распада и разрушения в рамках проекта консервативной революции ставятся на службу Традиции, а революции левых противопоставляется не реакция или реформы, но иная революция, «революция справа» [14].

Теперь, когда мы кратко охарактеризовали основные проявления «консервативного духа» и выявили основания консервативной критики либерально-прогрессистского мышления, необходимо спросить, что является общим знаменателем различных типов консерватизма, на каком основании мы причисляем их к *одному и тому же* способу миропонимания, к одной и той же идейной парадигме? Наиболее распространенный подход заключается в осмыслении содержательной специфики консерватизма через противопоставление его фундаментальным принципам либерально-прогрессистского миропонимания. К последним обычно относят *универсализм, прогрессизм и утопизм*.

1. Консерватизм как антиуниверсализм.

Традиционно разграничение между консервативным и либерально-прогрессистским типами миропонимания проводится по линиям «универсальное — локальное» и «абстрактное — конкретное». Смысл этих противопоставлений в том, что консервативное сознание, в отличие от сознания либерального и социалистического, несклонно апеллировать к всеобщему и универсальному («человечеству», «общечеловеческим ценностям», «всемирно-историческим закономерностям»). Иными словами, консерватор выступает как защитник «локального» и «конкретного». Антиуниверсалистская направленность консерватизма находит наиболее последовательное воплощение в философии немецкого романтизма и в тех направлениях неклассической философской мысли XX века, которые были инспирированы романтизмом (циклические и плюралистические теории истории, философия жизни, философская герменевтика).

Позитивным содержанием консервативного антиуниверсализма выступает *историзм*, усматривающий в традиции и исторической обусловленности социального субъекта не препятствие на пути «прогресса», но источник смысловой определенности и единственный способ обретения идентичности. Историзм, однако, не может рассматриваться в качестве общего знаменателя основных типов консерватизма. Под этот принцип не могут быть подведены ни фундаментальный консерватизм (традиционализм), ни консерватизм либеральный. Так, в оптике интегрального традиционализма «история» мыслится как специфическая черта профанического западного мировоззрения, а историзм фактически отождествляется с *нигилизмом*. Метафизика интегрального традиционализма является вполне *универсалистской* (в том смысле, в котором универсализм присущ всякой метафизике). Традиционалистская метафизика не позволяет увидеть в историчности позитивный феномен и не оставляет возможности для обоснования исторической и социокультурной самобытности отдельных общностей и народов.

Что же касается либерального консерватизма, то его парадигмальным основанием выступает гегелевская философия истории. В ней, с одной стороны, сохраняется идея прогресса, характерная для либеральной и социалистической мысли эпохи Просвещения, с другой стороны, утверждается «романтическая» и консервативная идея исторического развития и

преемственности. Данная историософская схема как нельзя лучше соответствует кредо либеральных консерваторов: подлинный прогресс возможен только через союз с традицией, осознание преемственности с историческим прошлым — необходимое условие всякого «движения вперед». В этой связи стремление теоретиков либерального консерватизма сохранить философию истории классического (гегелевского) типа с ее идеей «поступательного развития» вовсе не выглядит анахронизмом, но является жизненно необходимым для данного типа консервативной идеологии.

2. Консерватизм как антипрогрессизм и антимодернизм.

Антипрогрессистская и антимодернистская направленность в полной мере характерна лишь для традиционализма, в меньшей степени — для социального и революционного консерватизма и совсем не характерна для консерватизма либерального. Либеральный консерватизм, как уже было сказано, представляет собой защиту современности перед лицом «постсовременности», защиту модерна перед лицом постмодерна. Призывы к модернизации в эпоху *постмодерна* можно рассматривать в качестве проявления именно *консервативного* миропонимания.

Европейская цивилизация нового времени (цивилизация модерна) в оптике либерального консерватизма рассматривается как результат синтеза либеральной, социалистической и консервативной мировоззренческих установок. Начиная с 60-х гг. XX в. этот синтез, составлявший основу европейской социокультурной идентичности, стал все более размываться и разрушаться под напором неолибералов, «новых левых» и «неоварваров» [11, с. 100—103]. Либеральный консерватизм вовсе не является антипрогрессистской идеологией, напротив, сторонники этого направления полагают идею прогресса в качестве базовой и конститутивной для западной (христианской) цивилизации. Таким образом, антипрогрессизм и антимодернизм не могут рассматриваться в качестве интегральных характеристик консерватизма как такового.

3. Консерватизм как антиутопизм.

Антиутопическая направленность наиболее последовательно проявляется в либеральном консерватизме. Представители этого направления признают законными лишь те ценности и идеалы, которые исторически *уже* реализованы и запечатлены в наличных формах социальной действительности. В терминах Манхейма либеральный консерватизм воплощает в себе *идеологический* аспект общественного сознания (ориентацию на принципы и ценности, которые *легитимируют* существующий порядок), тогда как в «Консервативной революции» проявляется аспект *утопический* (ориентация на идеи, которые подрывают сложившийся социальный порядок, делегитимируют его). Наличие в консерватизме двух крайних полюсов (либерального консерватизма и «Консервативной революции») не позволяет рассматривать антиутопизм в качестве общего знаменателя консервативного мышления как такового.

4. Консерватизм как реакция на нигилизм.

Трактовка консерватизма как силы, противостоящей нигилистическим тенденциям современности, является в некотором смысле обобщающей по отношению к трем перечисленным. Нигилизм в данном случае следует понимать не в этическом, но в онтологическом смысле, в смысле Ницше и Хайдеггера, то есть в качестве определяющей и «судьбоносной» тенденции европейской истории и европейского мышления. Суть этой тенденции не в обесценивании тех или иных «ценностей» (это всего лишь эпифеномен нигилизма), но в *забвении истоков*, в забвении «истины бытия» (Мартин Хайдеггер). Однако такая предельно общая, деполитизированная, фундаментально-онтологическая трактовка нигилизма и консерватизма мало что дает для понимания последнего.

Таким образом, ни один из рассмотренных вариантов не является удовлетворительным. Нетрудно заметить, что во всех разобранных вариантах понимание консерватизма является по преимуществу *негативным, апофатическим*. Сущность консерватизма определяется не тем, что в нем *утверждается*, но тем, что в нем *отрицается*. В разных типах консерватизма делается упор на критике того или иного конкретного аспекта либерально-прогрессистского миропонимания (утопизм, универсализм, индивидуализм, нигилизм, атеизм). Однако отрицание какого-либо мировоззренческого принципа, ценности или модели поведения всегда осуществляется не иначе как во имя какого-то *иного принципа*, ради утверждения *иной ценности*, иной модели поведения. Задача, следовательно, заключается в поиске такой фундаментальной установки консервативного сознания, которая позволила бы увидеть в различных стратегиях консервативной критики либерально-прогрессистской парадигмы некий *единый «замысел»*.

5. Консерватизм как защита границ и ограниченности.

Интегральное понимание консерватизма, на наш взгляд, может быть выражено с помощью формулы: *консерватизм есть защита границ и апология ограниченности*.

О каких границах идет речь? Имеются в виду любые границы, конститутивные для человеческого способа существования. Это границы между человеческим и нечеловеческим, порядком и хаосом, нормой и патологией, здоровьем и болезнью, истиной и ложью, красотой и уродством.

Приведенная формула консерватизма может рассматриваться как ответ на вопрос о позитивном содержании различных типов консервативного мышления. Такая трактовка является исходной и фундирующей по отношению к различным стратегиям описания консерватизма посредством негативных понятий (*антипрогрессизм, антимодернизм, антиуниверсализм, антиутопизм* и т. д.). Предложенная трактовка консерватизма нуждается в разъяснении и конкретизации на материале истории общественной (преимущественно *философской*) мысли. Мы ограничимся лишь некоторыми предварительными замечаниями на этот счет.

Понимание консерватизма как апологии ограниченности, а консерватора как защитника границ отсылает к фундаментальному и исконному философскому вопросу — вопросу о человеке.

Современная неклассическая философия усматривает сущность человека не в той или иной его характеристике (разумности, телесности, социальности), но в самом *способе его бытия*. В философии XX века общим местом стал тезис о том, что сущность человека заключается не в его «чтойности», но в его способности к самотрансцендированию, то есть к выходу за пределы наличных условий и наличных границ. Человек не может обладать субстанциальной идентичностью и потому должен пониматься как незавершенная и незавершимая целостность (или даже как принципиальная невозможность целостности).

Способ человеческого бытия определяется отношением человека к границам. В этом смысле «граница» — важнейшая категория философской антропологии. Проблема «человек и границы» включает в себя три аспекта: 1) полагание границ; 2) удержание границ; 3) нарушение границ. Философская антропология XX в. основное внимание уделяла третьему аспекту, гораздо меньшее — первому и вовсе оставляла без внимания второй аспект. В результате возникла обманчивая иллюзия, будто самое существенное в человеческом бытии — это нарушение, преодоление, разрушение, стирание границ, а самый главный вопрос, стоящий перед философской антропологией, — это вопрос о том, как и благодаря чему человек способен преодолевать и «расширять» границы своего бытия. При таком подходе остаются без внимания и должного осмысления два других ключевых философских вопроса: 1) Почему вообще существуют границы?; 2) Является ли удержание границ столь же изначально интенцией человеческого бытия, как и нарушение, преступление границ? Является ли человек «пограничником» (защитником границ) столь же изначально, как и «контрабандистом» (нарушителем границ)?

В контексте консервативного стиля мышления самотрансцендирование не является единственным и экзистенциально первичным способом соотносительности человека со своими границами. Человек не только нарушает границы, человек также их *полагает и охраняет, защищает*. Человек — не только «*преступник*», но также *законодатель и хранитель*. В зависимости от того, какой из этих аспектов выходит на первый план, мы получаем три различные стратегии философско-антропологических изысканий.

Понимание человеческого бытия как трансцендирования границ, преодоления ограниченности является односторонним и идеологически ангажированным. Трактовка человека как *преступника*, нарушителя границ, выдаваемая за идеологически нейтральную, не только имеет вполне определенные политико-идеологические импликации, она становится возможной лишь в контексте либерально-прогрессистской мысли с характерным для него пафосом безграничной эмансипации.

Преодоление границ, мыслимое как «освобождение», является одним из лейтмотивов либеральной и социалистической мысли: марксистской,

экзистенциалистской, неофрейдистской, постструктуралистской, постмодернистской. Представители перечисленных философских направлений не задаются вопросами о том, почему вообще существуют границы, за счет чего они держатся, кем и ради чего они оберегаются. В леволиберальном философском и политическом дискурсе границы с самого начала мыслятся как нечто «злонамеренно» *установленное* кем-то, какой-то «репрессивной» властной инстанцией (Отцом, Богом, Языком, Идеологией). Граница есть нечто такое, что подавляет свободу индивида, и человек существует как человек лишь постольку, поскольку он нарушает границы.

Водораздел между либерально-социалистическим и консервативным стилями мышления в конечном счете пролегает именно здесь. Консерватор интересуется не вопрос о том, как «преодолеть границы», «выйти за границы», «избежать ограничений», а вопрос о том, как *удержать* и *сохранить* границы, поскольку граница априори есть нечто хрупкое, нуждающееся в человеческой заботе и сбережении. Человек в оптике консерватизма есть *защитник границ*. Для консерватора действие, естественным образом вытекающее из осознания собственных границ (онтологических, антропологических, космологических, социокультурных), — это *защита границ*. И лишь постольку, поскольку человек мыслится как сущее, благодаря которому и посредством которого вообще существуют и удерживаются в бытии какие-либо границы, он может производным образом выступать в качестве защитника Родины, семьи, ценностей и социальных институтов. Консерватизм в фундаментально-онтологическом и фундаментально-антропологическом смысле — это не отстаивание тех или иных *конкретных границ* (какими бы исконными и значимыми они ни казались), это отстаивание и защита *самой ограниченности* человеческого бытия, потому что только ограниченное может обладать определенностью, то есть идентичностью.

Приняв такую трактовку консерватизма в качестве базовой и исходной, мы сможем проинтерпретировать каждый из четырех типов консервативной идеологии в терминах «антропологии границ». Различные консервативные учения по-разному отвечают на вопрос о том, *какие именно* границы являются конститутивными для человеческого бытия, имеют непреходящее значение, а какие следует рассматривать как случайные, временные, обусловленные исторической эпохой, социально-культурным контекстом. Однако общим для всех типов консерватизма будет понимание границ как нуждающихся в *защите* и *поддержке* со стороны человека. Границы не существуют сами по себе, они имеют свойство *стираться* и потому должны постоянно *обновляться*, прочерчиваться человеком заново.

Таким образом, определяющим и конститутивным для консервативного стиля мышления выступает не тот или иной мировоззренческий принцип и не дистанцирование от базовых презумпций модерна, но *отношение к границам*. Решающим для консервативного способа миропонимания становится ответ на вопрос, что делает человека человеком и какое отношение к границам в конечном счете является конститутивным для человеческого способа существования.

Библиографический список

1. Андросенко Н.П. Переосмысление консерватизма. Консерватизм как система познания // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2013. № 1. С. 98–110.
2. Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 60–68.
3. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
4. Дугин А.Г. Консерватизм как явление: возможна ли общая теория? // Философия права. 2009. № 4. С. 7–15.
5. Дугин А.Г. Философия политики. М.: Аркогея, 2004. 424 с.
6. Маннгейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 126–138.
7. Оукшотт М. Рациональность в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. 288 с.
8. Ремизов М.В. К философии радикального консерватизма // Агентство политических новостей. 18.05. URL: <http://www.apn.ru/publications/article21614.htm> (дата обращения: 28.05.2017).
9. Ремизов М.В. Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. № 5–6. С. 26–46.
10. Ремизов М.В. Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка // Тетради по консерватизму. 2014. № 1. С. 79–83.
11. Ремизов М.В. Три направления разрушения современной цивилизации и консерватизм // Тетради по консерватизму. 2014. № 2 (1). С. 100–103.
12. Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: ИФ РАН, 1996. 298 с.
13. Товбин К.М. Антимодернизм: традиционализм, фундаментализм, консерватизм // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 1. С. 28–42.
14. Фрайер Х. Революция справа. М.: Праксис, 2008. 144 с.
15. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. LI. P. 454–473.

Ilya V. Demin

BOUNDARIES OF CONSERVATISM AND CONSERVATISM OF BORDERS

Abstract. The article is devoted to the problem of finding the «common denominator» of various interpretations and types of conservatism. The methodological basis of the research is the interpretation of conservatism as a way of thinking and understanding the world developed by Karl Mannheim. The main manifestations of «conservative spirit» (fundamental conservatism, liberal conservatism, social conservatism, and revolutionary conservatism) are viewed and

the foundations of criticism of the liberal-progressivist thinking in the context of four types of conservatism are revealed. The insufficiency of traditional answers to the question about the integral characteristics of conservatism (antiliberalism, antiprogress, antiutopian) is shown. The author suggests the new interpretation of conservatism essence, according to which the decisive and constitutive characteristic of the conservative thinking style is not a particular philosophical principle, but the attitude to the ontological, anthropological, social and cultural frontiers of human existence. Conservatism is defined as the protection of frontiers and apology limitations. This formula can be seen as the answer to the question about the positive content of various types of conservative thinking.

Key words: conservatism, typology of conservatism, traditionalism, liberal conservatism, social conservatism, conservative revolution.

УДК 821.161.1

Т.В. Казарина

«И ОТ СУДЕБ ЗАЩИТЫ НЕТ...»: НОВОЕ ЗВУЧАНИЕ СТАРОЙ ТЕМЫ

Аннотация. В статье говорится о значении темы судьбы для русской литературной традиции. Утверждается, что для писателей русской литературы XIX века и советского периода понятие судьбы чаще всего ассоциировалось с первобытной дикостью, пережитками прошлого и «азиатским» стилем мышления. Однако эта, казалось бы, изжитая тема все настойчивее звучит в современной российской прозе. Автор статьи размышляет о формах, причинах и возможных последствиях этого тематического реверса для литературы разной идеологической и эстетической направленности.

Ключевые слова: судьба, фатализм, мифология, метасюжет, иррациональное, социалистический реализм, пост-соц.

Сегодняшняя критика единодушна в признании того, что «дух эксперимента» из русской прозы ушел и большинство современных романистов ориентируется в своем творчестве на проверенные классические образцы – способы письма, выработанные литературной практикой еще в богатом открытиями XIX веке. Кажется, использование прозаиками разных эпох сходного художественного языка должно привести к воссозданию сходной картины мира, а значит, авторы XIX и XXI вв. не могут не быть